

Василий КОМАРОВ

ВРЕМЯ НИКУДА НЕ ИСТЕЧЁТ

сборник стихотворений

г. Старый Оскол
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2РОС-4БЕЛ)6-5

К 63   Комаров Василий Васильевич
ВРЕМЯ НИКУДА НЕ ИСТЕЧЁТ: сборник стихотворений /
Василий Комаров; [худ. А. Филимонова].
Старый Оскол: Квадрат, 2017. — 152 с., ил.

Редактор: Татьяна Олейникова
Макет, вёрстка: Надежда Стахурская
Художник: Алла Филимонова
Фото: Сергей Комаров
Корректор: Татьяна Машкара

Подготовил рукопись к печати брат поэта Сергей Комаров.

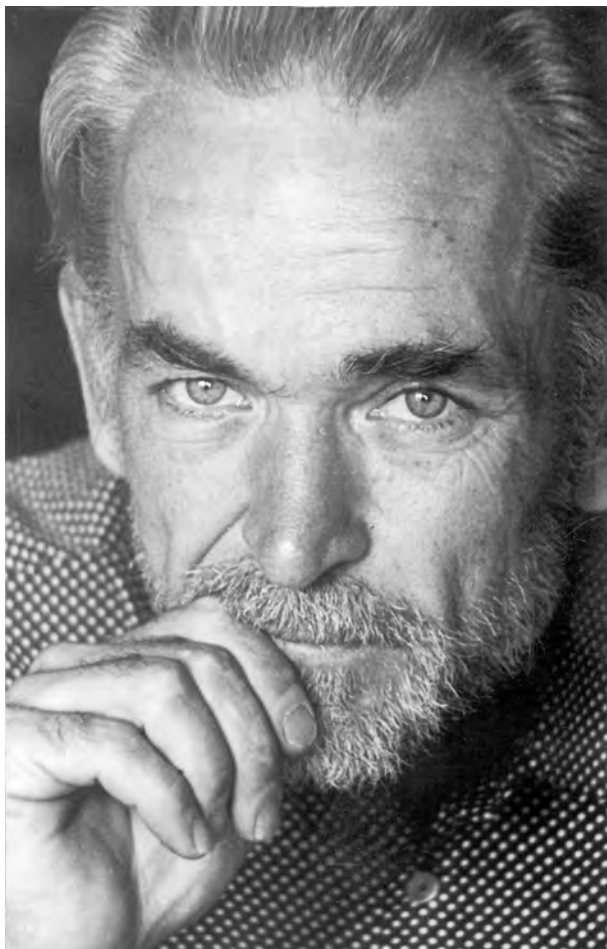
В книге «Время никуда не истечёт...» представлена философская и исповедальная лирика нашего современника и земляка Василия Комарова. Система образов поэзии Комарова отражает глубоко-личное, неординарное восприятие мира. Музыка его стиха то тихим шелестом травы, то плеском речной волны, то органичным голосом неба зовёт читателя слушать и слышать, как прекрасна жизнь, как прекрасна любовь, как прекрасна Земля. В этой книге вы найдёте запечатлённую в поэтическом слове любовь к женщине, к матери, к Родине.

УДК 821.161.1
ББК 84(2РОС-4БЕЛ)6-5

В оформлении обложки использован фрагмент картины
Аллы Филимоновой «Переправа», 2016 г.

© Сергей Васильевич Комаров
© Алла Филимонова

ISBN 978-5-7071-0188-1

Горсть земли

(от автора)

Сухими ладонями, заскорузлыми, в мозолях, беру я горсть сырой земли. Ласковая, мягкая, пахнет она потом и росой, молоком и кровью, дождём и пеплом, солнцем и травами, пахнет просто землёй и Родиной.

Я заверну эту горсточку земли в мамину выгоревшую косынку и уйду с маленьким, как сердце, узелком по громадной Земле, напрямик, уйду в люди. Будут меня любить и ненавидеть, будут унижать и возвышать и не спросят о самом сокровенном, чем живу. Нежданно придёт день, когда я перестану тревожить и чувствовать, и уйду в Землю. Присыпят меня люди согретой их ладонями землицей. Каждый по горсти, по слезе... И унесу с собой в громадное сердце Земли среди людских горстей — свою родную горсточку в маминной выгоревшей косыночке, своё тепло, свою вечно живую капельку Родины.

Василий Комаров

Отголоски

СЛОВО

Слова — как слова... И — то ливень, то улей,
то плоть лягушонка на лезвии бритвы,
то губы Иуды на флейте июля,
то голос Творца в покаянной молитве...
В морозном белёме заполярного льда,
в рождении Слова есть смысл великий,
и тихая радость, и злая беда...
И столь же не вечен сверкающий иней
на Млечном пути, как мираж или сон,
мгновенная вспышка Вселенной единой,
с которой весь мир этот соотносён.
И сущая правда содержится в Слове...
и скрытая ложь очарованной флейты...
...В фальшивой игре не играйте любовью,
В деянии чистом любви не жалейте.
Утраченной вере верните надежду,
Надежде утраченной — светлые мысли.
А всё остальное — прочтётся по тексту,
И каждое слово поймётся по смыслу.
И сладкого мёда янтарная капля,
И бабочки трепет на чёрной смоле,
Пока изначальная суть не иссякла.
Пределы пространства в добре или зле...
Изъявленной воли коснутся едва,
Как сложится книга, Вселенская книга
И всё очень просто: слова как слова.
И смысл их глубокий, и суть их проста
Как вечная боль на устах у Христа.

ПРЕДЧУВСВИЕ

Мне показалось, что Луна
зарю прощания вещает,
и тень моя на крике чаек
в простор небес взнесена.

И там, за стаей облаков,
где холод мирозданья вечен,
Путь лебединый был очерчен
свеченьем канувших веков.

За перелётными ночами
я познавал иной приют,
и возвращенья Млечный путь
мне показался нескончаем.

Благославляя лебедей,
Я отмечаю час прощанья —
уже к зимовью кличут чайки
последней пристани моей.

***

Окна плакали в рóстепель
и крестились в кристаллы,
снега свежего простыни
дерева исцеляли.

А в больничных палатах,
собирался консилиум,
доктора, как пилаты,
приговор выносили.

То, что хрупко и зыбко,
то, что тонко и рвётся,
на земле отразится,
в небесах отзовется.

Горячилась синица
в предсказании марта.
...В том, что не состоится,
не она виновата.

ПОЭТ

И будет мир кровав или бескровен,
Остепенится ль беспощадный свет,
Предстанет в нём безумно невиновен
Всё тот же очарованный поэт.
Он вверит чувства задушевному струнам,
Что искренне наивны и нежны.
Но что душа?
Когда весь мир безумен?
Кому её страдания нужны?!

***

Я — человек, тяжёлое зерно...
Храню в себе вселенскую безмерность,
И разуму покуда не дано
Постигнуть сложности моей закономерность.

Но есть во мне и немудрёный толк,
Очерчен он пределами природы —
Так в почке дерева содержится листок
Или росток, несущий почку плода.

Бунтует неразгаданная суть,
Взрываясь возрождением весенним.
Какую завязь я в себе несу,
Спасённую от нервных потрясений?!

Я, человек, природы зрелый плод,
И на земле лишь только принимаюсь,
За жизнь её, тревожась наперёд,
Всем сердцем боль её воспринимаю.

ВОСХОД

Заря занялась петухами,
Малиновым звоном звеня,
То радуясь, то затухая
Рождением летнего дня.

Звучала высокая песня,
Играл голубой небосвод,
И солнце в соловьем залесье,
Казалось, вот-вот запоёт.

Торжественность этой минуты,
Мгновение вечностного —
И есть постижение сути,
Быть может, себя самого.

***

Когда душа уже зашлась
И силы духа на исходе,
Есть всё-таки последний шанс —
Передовериться природе.

Остаться с ней наедине
И в состоянье отрешенья
Быть мудрым с нею наравне
И принять верное решенье.

И выстоять назло судьбе,
Почувствовать полёт, как птица,
И не покорствовать себе,
И, как природа, возродиться.

БЕЛЫЕ СТИХИ

*«Всякая любовь есть переход
в иную веру»*

Б. Пастернак

Как ночью лебедь на пруду,
Сияньем призрачным в потёмках
Отобразить себя приду
В тебе самой, в моих потомках.

Забыть меня не поспеши,
Переходя в другую веру
И выпей за помин души
Росу-слезу плакучей вербы.

Уйду возвратно поутру, как вещей сон,
Как лебедь белый,
А хочешь — я сейчас сотру
Стихи, написанные мелом.

***

Познать желаю звук резца
И неприкосновенность звука,
Чтоб в мире что-то отрицать
И утверждать хоть что-то в муках.

Отчаиваться и страдать,
Но обозначить путь исканья —
Хвалу гармонии воздать
И непокорность высечь в камне.

Превозмогая каждый день,
Его переосмыслить ритмы.
Как это мог Огюст Роден
Или — как Мастер в Маргарите.

И, утверждая ремесло,
Упасть и выше подыматься,
Как это мог Терентий Мальцев.

Всем испытать добро и зло,
Уже давно казнённых слов,
В помилованном звуке — мастер.

ПЕЙЗАЖ

1.

...И Весь белый свет мне предстал невесомым,
Наполненным лёгким июльским теплом.
Прозрачное Время под тающим солнцем
Незримо потоком в Пространство текло.

За призрачной далью тревожно алело
И красило выси в малиновый цвет,
И чем-то неведомым в мире болело
По том, что прошло и чего уже нет.

И вот озарилось сиянье в полнеба,
И весь белый свет обозримо предстал.
Но в этом продлении я уже не был,
Лишь тень моя длилась в безмерную даль.

2.

Стелились лунные туманы,
Спадал с закатом зной дневной.
Смирился я, не понимая
Того, что деется со мной.

Ответным эхом пониманья,
О чём печаль моя светла.
С небес высоких Матерь Божья
Немилосердно снизошла.

Пылал костёр воспоминаний,
Что жизнь была и что — прошла.

К ПОРТЕТУ ХУДОЖНИКА

Не изгнан и не зван Россиею,
С бродяжничьим брожением в крови,
Читал стихи художнику Васильеву
О Родине, природе и любви.

Звенел октябрь, парили листья клёна,
И стрекотал кузнечик в унисон.
Собор церковей крестово бил поклоны
Холодной тенью златоглавых солнц.

Стихал закат. Торжествовал художник,
Как будто бы — судьбою суждено,
И только он один всему был должен
Перенести пейзаж на полотно.

Он бунтовал восторженно и яро,
Глаза его горели, как коралл.
Карал себя за то, что не бездарен,
За то, что мир органнный умирал.

И наступал покой ультрамарина,
Холодный затухающий эстамп.
Природа краски осени смирила,
Расположила по своим местам.

Упал орех с безлистого орешника,
А большего нам было не дано.
Грустил октябрь по двум заблудшим грешникам.
И плакало молдавское вино.

***

Уйти, решительно уйти
Подальше от родных и близких,
Отдаться праведному риску,
Остаться одному в пути.

Отвергнуть страсть и лесть любимой,
Не смалодушничать ни в чём,
Остаться непоколебимым
Перед крестом или мечом,

Избавиться от назиданий,
Сочувствия и суеты.
Превозмогая даль за далью,
Дойти до призрачной мечты.

Ни перед кем не преклоняться,
Ни от кого не ждать услуг,
А до заветной синей птицы
Твой добродетель слеп и глух.

И пусть не всё тебе простится
Из дерзостного бытия.
Уйти и снова возвратиться,
Как ветер, на круги своя.

***

Молчанье — золото,
А немолчанье — фальшь.
Переосмыслю, затерплю, снемею...
За слово красное ты и гроша не дашь
Ни платиной, ни серебром, ни медью.

За всё теперь приходится платить —
За счастье, за грехи и за пороки.
Любимую не смею полюбить,
А нелюбимую любить жестоко.

А перед тем, как вспыхнут зеркала
В пластах земли от пахотного плуга,
«Опомянись», — любовь тебя звала...
Недозвалась — в природе было глухо.

***

Уйти в леса. И существом природы
Произойти и ощутить на миг
Других миров загадочные своды,
Себя, но в измерениях других,
Иных законов Мира, Антимира,
Что к самоотрицанию мир поверг...
Но суть мою природа заклемила,
Именовала: «Се есть человек!»
Не Бог, а это значит — шалый,
И может сотворить вселенский грех.
А если так — в объёме полушарий,
Похожих на невызревший орех,
Заложена естества логичный ход:
Продлить во времени свой вид и род.
И, стало быть, что весь я:
Материя сознание, естество
Не нарушал в природе равновесья,
Закона мира, сущего всего.

***

Встревожен ли случайным взглядом,
Задет ли голосом чужим,
Далёкий образ не разгадан,
Миг близости непостижим.

Займутся в памяти и плоти
Волненья зыбкие следы —
Так, точно ласточка в полёте,
Коснулась зеркала воды.

ЗАГАДКА

Волненье падающих линий,
Поток струящийся тепла,
Полёт неслышный лебединый
Природа в прихоти невинной
Загадочностью облекла.

Но путь познания неминуем,
В симметрии добра и зла
Прекрасное мы именуем
И ошибиться не рискуем,
Что это женщина была.

ФЕЕРИЯ МАРТА

Пленяя зарю, над заснеженной Тулой
Сиял синевой ослепительный март,
И ярок, и гулок, как дерзкий Лентулов,
Как будто и не был ни в чём виноват,
Как будто и не был таким небывалым,
Неистово вызвучив весь белый свет
Сиреневым прошлым и будущим алым,
Которых в палитре художника нет.

Явлением зримым я был озадачен,
И цвет опознать мне не выстало сил.
Избывно глядел мне в прозрачные очи
Изъявленный Рерихом Эммануил.
И вспомнилась притча о скудном таланте,
Который я бережно в землю зарыл...

И отрок меня надоумил на мысль:
Как только я сам себя выдал Пилату —
Отверг меня изверг и молвил: «Уймись!
Ты свой крест неси и неси, человече,
Пребудь, божий раб, во добре или зле,
Удел твой невзрачен и путь твой не вечен
На праведной этой иль грешной земле...»

И сущно предстали: наречие красок,
И мир сущестительно зрим до конца,
И весь белый свет прилагательно ясен
И благоизволен глаголом Творца.

Смирная метафоры духа и плоти,
Играл литургию малиновый звон,
Язычник Ярило привнёс позолоту
В кресты, купола и сиянье икон.

.....

Хорошее утро в заснеженной Туле,
Достойное кисти и звонче стиха,
С зимой расстаёмся, встречаем весну ли —
Феерия жизни не так уж плоха.

ПОГОДА

Совсем испортилась погода,
И возмутились деревья,
Дурные слухи шли по городу
И неприглядная молва.

Не думалось и не гадалось,
Само собой проистекло —
Ушло короткое тепло
Позаокольными задами,

И загуляли сквозняки.
Толпа чесала языки,
Шуршала пресса назиданья
И славословила с опаской.
Витала в воздухе беда,
Кричал петух к еврейской пасхе,
И наступали холода.

***

Робкая тень на асфальте,
Смутный неоновый свет.
Вы меня не нарекайте,
...У меня — имени нет.

В зябком ночном полумраке
Улиц пустующих пульс.
Льёт углеродную накипь
Каплями плавленных пульс.

Меркнет луны аппликация,
Мой осознав силуэт.
Вы меня не окликайте —
У меня — имени нет.

Музыкой тайной Вивальди
С женщиной буду говеть.
Во мне вы не убивайте
Этот неоновый свет.

БЕССОННАЯ НОЧЬ

Я в эту ночь совсем уснуть не мог.
Скулил и выл по матери щенок.
Быть может, дождь его колючий жалил,
И он насквозь до ниточки промок.

Сироты, нищие Казанского вокзала,
Во снах своих — у частоколов ног...
По телевизору боевиков казали,
И был весь люд, как звёзды, одинок.

В глухом углу губами грелась пара,
Похоже, было им тепло вдвоём —
Публичная любовь их не распалась.
И мы ей должное за это отдаём.

...Скулил щенок, была бессонной ночь,
Чужая женщина к себе меня звала,
И я рискнул — была иль не была, —
Но опоздал...

ЛИК ВРЕМЕНИ

Лик времени проглянет сквозь деталь,
сквозь кракелюр старословянской фрески
и внове осязаемо и веско
прозреет историческая даль.

Так луч звезды сквозь толщу мироздания,
храня планеты точный силуэт,
несёт её потусторонний свет —
не плоть материи, а суть её — сознание.

Надтреснет потревоженная высь,
превозмогая нетерпенье эры.
Сверхзвуковой предел. По крайней мере,
мгновение, на том остановись!

Лик времени проглянет сквозь деталь
старинной фрески или неба трещину —
безвременна в глазах его печаль,
уже непостижимая и вещая.

***

Святое место на земле —
лоскутик в радиусе шага
всегда приютом будет мне
благословения и блага.

Остаток пройденных дорог
мне без привала не осилить.
Ходил и вдоль, и поперёк. —
Большая матушка Россия.

Не в перекрёстках и верстах,
а в родственных тебе местах,
где был, и где тебя уж нет,
пока народ добром помянет,
простынет след за дымкой лет,
куда судьба меня поманит.

***

По прихоти жизни, по воле судьбы
В церковной столярке колят гробы.
Кабы не зима да не снега кабы,
То были бы вечны живые цветы
И наши молитвы как слёзы чисты.

В церковной столярке колят гробы.
Сыра домовина в оправе парчи.
Заснеженный холмик, огарок свечи,
Бумажные розы, еловый венок—
И всё, чем Господь милосердный помог.

И всё, что осталось под тяжким крестом,
Который на то и поставлен на том,
Что было означено в знаке судьбы,
На чём успокоились Божьи рабы.
В церковной столярке размеренный стук,
На то и бюро ритуальных услуг.

ИДЕЯ

Идея идее — не пара,
И вовсе, быть может, контраст.
Но кто из нас не был в опале
за дерзость? Пусть голос подаст.
Выходит, которые были,
не выполняют роль судии.
Но кто тогда в гневе и силе
осудит поступки мои?
Мне нужен достойный соперник,
чтоб мог, как и я, на трубе
солистом в оркестре быть первым
иль первым на горной тропе,
в любви быть единственным, верным,
в заветную верить звезду,
надёжным в надежде и первым
откликнуться на беду,
встать крепью кариатиды
и нервами не дрожать,
когда на плечах «пирамида»,
которую надо держать,
не струсить, когда отступленье,
бороться за каждую пядь
и жизнь положить в искупленье,
чтоб истину отстоять,
во имя чего-то святого
принять неизбежный удел,
где праведно риск уготован,
опасности высший предел.
И как бы за то ни карала
судьба откровением ран,

в багрянце из терний коралла
явись, дерзновенный, предстань!
Что враг твой, поверженный ниц,
пред людом презренно изрек,
перстом указуя, десницей
развенчано: «Се — человек!»
И будет писанье Матфея
долдонит иезуит...
А как же с идеей?
Идея? Она за себя постоит.

***

Враги мои могли б торжествовать
Друзья — печалиться, любимая — оплакать
И это мне пожизненная плата
За всё, на что я мог претендовать.

КАБАК

В дыму табачном, в полумраке,
За кружкой пива или так,
Гудел мужик, травили враки —
На то и есть сему кабак.

Шипели пенные бокалы
Ядреной бодростью «ерша».
Солёным словом кайфовала
Непокаянная душа.

И, благо, здесь не лезут в душу,
А если прут, то на рожон.
Никто галдёжа не нарушит,
Лишь окромя, быть может, жён.

А жёны — что? Они как жёны
Не могут жить без мужика,
Пока в нём «пушка» заряжена,
Пока кишка в нём не тонка.

И дьявол в том не разберётся,
Не разберётся неспроста.
Кажись, где тонко, там и рвётся...
На самом Боге нет креста...

А вот уже и песня льётся,
Шурша подраненным крылом.
И молча плачет сотрапезник
О настоящем и былом.

ПРЕМЬЕРА ЗАКАТА

С чувством ревности и терзания,
Так нежданного для меня,
Вдруг открою таинственный занавес
Сцен заката, театра — Дня:
Солнце село за степью устало,
Куда ветер — древний пастух
Пригоняет коровье стадо
Полновыменных туч.
То хлестнёт во весь взгляд пастуший,
То сверкнёт во весь мир его кнут.
Присмирели, послушались тучи
И — доверчиво — к Солнцу льнут.
Солнце трогает чутко лучами
Тёплый ток набухающих жил —
И польёт проливными ручьями
Молоко в поднебесный кувшин.
Забурлит и наполнит, и выльется
Белой пеной цветенья Земли.
Я сегодня из тех счастливцев,
Кому счастье несут журавли.
С этим чувством в крови и плоти
Мне просторно, светло и легко.
Я — обычный младенец Природы —
Пью парное её молоко.

***

С какою силою и жаждой
Туда, где жизнь берёт исток,
Стремится к солнцу клеткой каждой
Едва родившийся росток.
Так я к тебе, родная Русь,
Любовь моя, судьба и воля,
Тянусь младенцем до подола
Руками всех дорог тянусь.
И ты не баловала лаской
Ни дочерей, ни сыновей.
Их вскармливала правдой красной —
По цвету пролитых кровей.

***

Объясниться с тобой мне не просто
Но меня не ревнуй к городам.
Как ты там, мой сердечный остров,
Суходольский родник, как ты там?

Вот дождусь годового отпуска,
Покачусь, обо всём забыв.
Примешь ли виноватого отпрыска
Под крыло неплакучих ив.

Там, за степью, за знойной толокою,
Я сойду на твоём полустанке
В моё близкое и далёкое,
Чтоб увидеться и расстаться.

Буераками, перелесками,
Где когда-то бродил малышом,
Я вернусь к тебе тропами детскими,
Позаросшими спорышом.

Поклонюсь, до обиды неузнанный.
Блудным сыном меня назови,
Но оставь пожизненным узником
Вечной ревности и любви.

***

В ожидании раннего снега
Я под ливнями лета промок
И, как юности давнее эхо,
Был во времени так одинок.

Отшумели шелко́вые травы,
Обозначился зимний мой путь,
И, казалось, никто не был вправе
На свободу мою посягнуть.

Но напрасно листва опадала
И покой назревал во мне зря,
Утешения светлые дали
Открывались мне до января.

Оставалось ещё не согрето
И ещё не изведено мной
Одиночество бабьего лета
Перед скоро грядущей зимой.

***

И наступают холода,
и отступает тень уюта,
и удлиняются года,
и день короче почему-то.
Немыслимое бабье лето,
за мороженое тепло,
легко уходит от ответа
и не тревожится о том,
что от поэзии до прозы,
недостижимые уму,
есть достоверные вопросы:
Но почему? Но почему?
Всему сему — один ответ:
тепло ушло, зима грядет!

***

Если вспомнить, то будет немало
и того, что на сердце легло.
Тосковала кукушка немая
уходящему лету назло.
Сколько зим пролетело и сколько
лет сочтённых — неведомо ей —
Возвращалась кукушка к истокам
непредвиденной жизни моей.
Всё, что помнилось и не исполнилось,
собралось, поднялось на крыло,
тихой молнией в сердце обмолвилось
и свободный полёт обрело.

***

В минуты неизбежности печали
Я выхожу в осеннее ненастье,
Однажды ко мне в сердце постучали,
И я открыл — доверчивое — настежь.

Вошла любовь, промокшая до тела,
Едва переступив через порог,
И между нами, словно между делом,
Обычный состоялся диалог:

— Входи, согрейся. Может, выпьешь чаю?
— Я на минуту. На тебя взглянуть.
И как я мог!? И как не замечал я
Невозвратимость кратких тех минут.

Какой-то миг сияния, мгновенность,
Как молния в падении росы,
Она была, оставив в достоверность
Горящий след от ног своих босых.

Я этот след ищу порой ненастья.
Дожди — напоминание потерь.
И в звуке капель кажется мне — счастье
В мою сегодня постучится дверь.

АЗОВСКОЕ МОРЕ

Независимо, гордо, вольно,
Сохраняя древний напев,
Умирают могучие волны
На горячих ладонях степей.

Бьётся синяя жилка
У Земли на виске
Пульсом, признаком жизни,
Как дельфин на песке.

ТЁПЛЫЕ ЛИСТЬЯ

Немного зябко дворнику старому,
Немного жалко лиственный жар.
Неторопливо и очень старательно
Он подметает осенний парк.

И zalюбуется ярким ворохом,
И защежит в сердце память встреч.
Как неоправданно это и дорого —
Взять — и цветение осени сжечь.

Испепелить повторение давнего,
Прошлого, где-то с десятков пять лет...
Помнится, было такое свидание —
С той, которой давно уже нет...

И смог для неё он совсем немного:
Всё золото осени в кучу согрёб...
В летних туфлях застывшие ноги
Лиственный этот окутал сугроб.

...И меня согрел теплом поистине,
Красных листьев выведав секрет.
Как бы мне — стихами, словно листьями.
Хоть бы ноги — людям отогреть.

ПОЛНОЛУНИЕ

Осенью — отчаянно и поздно,
Недоступной девушкой из прошлого
Ты пришла, реальной и осознанной,
И нежданно, и непрошено.

Прикоснулась. Есть на свете чудо!
Но такое — век не повторится.
Я ведь не любил, я только буду,
Не боясь опасности и риска.

Я себя распятием раскрою
И во всём признаюсь тебе на́чисто.
Торжествуй — последнею росой —
И зарёю, выстраданной Августом.

Я вхожу в подлунный луг зарошенный...
Чистая, нетронутая, юная.
Августовская роса моя хорошая,
Для меня настало полнолуние.

ИЮНЬ

Высокий июнь догорает,
Дымит золотая перга.
Дышу благоденствием рая,
Входя в запашные луга.

Торжественный миг сенокоса,
Пирует и плачет коса.
А сердце помиловать просят
Цветов роковые глаза.

Серебряно росы играют,
Немеет в работе плечо,
И солнце родимого края
Целует меня горячо.

***

Тихо всхлипнет калитка,
Вздогнет ивовый куст,
И зальётся, задлится
Неизбывная грусть.

Озимь, пашня, опушка,
И тропа на разъезд,
Отголосок кукушки —
Всё по чести, как есть,

Замереть, оглядеться
И вернуться б назад,
Да остался от детства
Разве что — адресат,

Материнский и отчий
Край под ясной луной —
Жаворонком зайдётся
Сердце в бѣзвести той.

Отлучѣн — не иначе,
Безвозвратно уже.
Только ива и плачет
По пропащей душе.

***

С последней вспышки позднецвета
ещё брала нектар пчела.
А по следам горячим лета
печаль по дому сердце жгла.

Клонилось зарево к закату,
летели птицы на покой.
Далёкий образ белой хаты
всплыл облаком передо мной.

И путь мой тем уже был светел,
и вера тем была светла,
что угасающего пепел
хранил обманчивость тепла.

Как было всё это похоже
на вещий сон у очага...
Но это я познаю позже,
когда падут в меня снега.

СЕРЕБРИСТЫЙ ТОПОЛЁК

Трепетанье белых листьев,
С ветерком игривый лёт,
Тополёчек серебристый,
Серебристый тополёк

То ли брызнет летний дождик
То ли солнце ливнем льёт
Аплодирует в ладошки
Серебристый тополёк.

ЗВОНЫ

***

Источалась молитва моя
И свеча догорала,
Зримо таяло время в часовенке воска,
Трепетал светозар
Пробуждением алой герани,
Неприкаянным эхом
И скорбной души отголоском.
Неизбывно всё сущее в мире
Вершится и деется.
Крестным звоном и светом,
Сияющих золотом маковок
И в заклании жертвенном Троицей
Сына-младенца,
И в живительной капле добра
Из груди Богоматери.

***

Слово к слову ложатся благие слова,
Собираются в ритмы, слагаются в звенья,
А поэзия смысла уже не нова —
И быльём зарастает, травую забвенья.

Из цветов первоцвета сплетался венок.
Отцвели одуванчики слов, отлетели...
Из реального мира, в незрячий, иной
Лёгкой дымкой словесной метели.

Объясненье в любви — и слова, как слова...
И вначале всего было Слово.
Но поэзия чувства уже не нова,
И слова те по смыслу не новы...

И когда мы легко расточаем их суть,
Что заложена в них изначально.
Божьей истинной силы уже не несут,
Потому, что в корнях обветшали.

Мы не ведаем, в чём увяданья секрет,
Где иссяк тот целебный источник,
На котором поставлены, если не крест,
То забвенья последняя точка.

БОЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ

Посеяна травка, ухожена хатка,
И жаворонок песню поёт над селом.
Медовое солнце ни валко, ни шатко
Стекает к земле за церковный шелом.

Лазурное небо, погожее лето,
Струится дыхание зрелых хлебов
И радуется солнцу. Так изредка где-то
Нас всё-таки милует праведный Бог.

И я ли не тот очарованный странник,
За коим бредёт покаяния тень
И коего так упоительно ранит,
Исполненный блага, божественный день.

***

Пока ржаная нива колосится
И голубеют небом васильки,
Уйти в хлеба и заживо забыться,
В чём помыслы и чувства высоки.

Распятием припасть к земле блаженно,
Распластанным созвездием Креста,
Пока душа, наивна и чиста,
Не предала себя самозабвенью,

Покуда ветры избавленья пепел
Не унесут до солнечных высот,
Куда зерна потерянного стебель
Сквозь плоть мою к Вселенной прорастёт,

И вещей птах над пахотой осенней
Расправит крылья чёрные, как смоль,
И первый снег покорно примет боль
Души, в незримые пределы вознесенной.

***

И гул церковных голубей,
И гулкость рушенного храма —
Неутихающая рана
Болящей Родины моей.

ПОЛЁТ

Был я птицей, и это я знаю,
Снится часто мне лёгкий полёт,
Но тяжелая, всё же, земная,
Эта доля людская гнетёт.

И нелёгкая мысль пребывает,
Что воссоздано — я не крылат,
И на мне возлежит вековая
Предназначенность тяжестью лат.

Но как только осенняя стая
Зачинает к полёту звать,
Мне тревожится, словно отстал я,
И покажется, будто крылат...

И не терпится — лебедем — взвиться,
Превозмочь то ли явь, то ли сон,
И изволевой Божьей десницей
Буду вновь в небеса вознесён.

И, как прежде, тоскующей птицей
Устремляюсь в свободный полёт,
Но с земною юдолью проститься
Мне душевная боль не даёт.

***

Нескошенная пажить,
Тоска туманом-мглой.
Господь меня накажет
За грех перед землёй.

А коль не покарает,
То сам себя казню
И без родного края
Засохну на корню.

***

Мой день уйдёт, гармонии исполнен,
И, как слеза признания чиста,
Освобождённо, в заревую полночь
По небосклону скатится звезда,
И тень моя смятенно в поле чистом,
Поклонится созвездию Креста,
И в землю упадёт зерно гречихи,
И встрепенётся горлица с гнезда,
И вздрогнет свет свечи поминовенья
В дыхании младенческого дня,
И остановится прекрасное мгновенье...
Но это уже будет без меня.

АНГЕЛ МОЙ

Ангел мой хранитель вознесенный,
Эхо опечаленной души,
Укажи, где храм твой во Вселенной,
Где твоя обитель, укажи.

Изъяви всевышней силы волю:
Чем свершится бренная стезя,
Где б твоей не откликалось болью,
Где б твоя не пролилась слеза.

Покровитель всенощный и денный,
Свет благодеяний, тень любви,
Снизойди, мой ангел окрыленный,
Соприкосновенье изъяви.

Где б мгновеньем радости нечаянной
Благодарно длился вечный сон,
Где бы я к истокам изначальным
Был преображенно вознесён

Зыбко меркнет поминальный пламень,
Капельно стекает талый воск.
Тихое молитвенное «Амен»
В ком ещё по мне отозвалось?
Угаси свечу мою, Христос.

***

Блажен, что верую и знаю,
Ту веру, бережно храня,
Что есть на свете жизнь иная,
Так окрылившая меня.
И в этой благодати печальной
Встревожен я чутьём крыла.
Звенят молебно, поминально
Венчальные колокола.
И тем печаль моя светла.

***

Виновных я не осуждаю,
А принимаю за беду,
И ту судьбу предпочитаю
И долю праведную ту.
А там, за призрачной чертою,
Что разделяет дух и тлен
Беззвучен я и безимен.

Душа моя теперь вольна,
Как в чистом небе белый голубь,
И не откликнется она
Ни на глагол мой, ни на голос

Исправить прошлое не волен
И белый стих, и чёрный слог
Под гул беззвонных колоколен
Я не фальшивил, видит Бог.

Как в чистом небе белый голубь
Душа моя отчуждена
И на земной глагол и голос
Не откликается она.

ПАСХА

Цветёт акация и пахнет,
Парад дерев — белым-бело...
Предельно белый день распахнут
И ясен солнечным челом.

Цветёт акация и пахнет,
Теплом уравновешен май.
Приготовляя праздник Пасхи,
Хлопочет радостная мать.

В роду моём царит застолье,
Народу — полная изба,
Трапезничают с хлебом-солью,
С молитвой мира на губах.

— Бог дал, смела врага Рассея, —
И, не взглянув на образа,
Мой дед Серёга, сын Матфея,
Поднял стопарик браги — «за»:

За то, чтоб был достаток в доме,
За тех, кто мир от беса спас,
Чтоб выпить выпало на долю,
Да не последнюю, Бог даст...

Я осуждать его не смею
За эту набожность в греху,
Даст Бог, я в хронике семейной
Признаюсь внукам на духу,

Что самому мне голод ведом,
И я смотрел в глаза беде,
Что выжили мы вместе с дедом
На сусликах и лебеде.

Так пусть всегда пребудет Пасха—
Хвала труду, добру хвала!
Пусть произносит тосты пахарь
Земле за то, что воздала.

Я в христианской этой вере
Встречаю щедрый майский день
И вновь распахиваю двери
В престольный праздник деревень.

И отмечаю праздник Пасхи,
И познаю добро и зло...
Цветёт акация и пахнет—
Ей тоже в жизни повезло.

***

И вновь душа моя стремится,
Сама не ведая куда,
Как обездоленная птица,
Оставшаяся без гнезда.
То лёгкой тенью, то зарницей
В полнолуночной тишине,
То радуется, то казнится,
То исповедуется мне.

О чём-то призрачно неясном,
Неизъяснимом на словах,
В том, что рассудку неподвластно
В пророческих незримых снах.
Отверженная грешным телом,
Вселенской совестью чиста,
Немеркнущая в беспределе
И одинока, как звезда.

***

Прости меня, я очень болен
Тоской по родине моей.
Над звонницами колоколен
Стихают крики журавлей,
Смиренно леденеет сердце,
Лишённое её тепла.
За что же участь иноверца
Мне уготована была?!

Ужель за первый шаг в дорогу
Или не принятый поклон?
Земля, помилуй ради Бога,
Что был тобою обречён.
И ты не осуждай сурово,
Радушный, милостивый край,
Прости, прощай на добром слове,
А непрощённого карай.

ОСЕННИЙ БЛАГОВЕСТ

1

Осенний лист в горстях у старца —
Земли прощальное тепло
Воистину исповедаться
И к покаянию звало.
Природа — Храм. Мадонна — Осень
К тебе манила и влекла
Как будто красота и вовсе
В ней чисто женская была.

2

Старик ловил горстями листья,
С чего бы и зачем — невесть,
И тихо Господу молился
За сей осенний благовест.
Слетала музыка с деревьев
И затухала на лету,
Звучал органно леса реквием
Святому Духу и Христу.

***

Перекрестимся, поклонимся
Ипостаси Царских врат
И в молитве-суесловице
Будем совестливо врать.
В прегрешениях покаемся,
Будем ёрничать и льстить
И слезу ронять, покамест нас
Вседержитель не простит,
Но вердикт его известен
И урок его весом,
Как бы ни был Спас Божествен —
Нас от нас не упасёт,
Не избавит от лукавого,
Не сокроет от судьбы,
Как бы мы в грехах не каялись,
Всё же — Божии рабы.

Свет добра

ВРЕМЯ НИКУДА НЕ ИСТЕЧЁТ

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

Сухими ладонями, закорузлыми, в мозолях,
беру я горсть сырой земли.
Пахнет она потом и кровью,
солнцем и травами,
молоком и пеплом,
пахнет просто землёй и Родиной.
Я возьму эту горсточку землицы,
заверну в мамину выгоревшую косынку
и уйду полынною дорогою напрямик.
Уйду в люди.
Будут меня любить и ненавидеть,
будут возвышать и унижать
и не спросят о самом сокровенном,
чем живу.
Отпылают лета,
помелеют потоки,
и потомки мои
потомков своих растеряют по белому свету.
За неведомой далью,
на исходе пути утомлённый луч солнца
обозначит предел и покой.
Благоверные друзья мои склонят
головы и уронят
в ладонях
согретые крохи земли,
и единая женщина
будет по мне причитать,
и уйду я бесследно в планету планет,
просветлённый
земным благоденствием жизни.

С собой унесу
маленький, как сердце, узелок
горсточку землицы
в маминой выгоревшей косыночке,
своё тепло,
свою вечно живую капельку Родины.

ГЕРАНЬ

Квадрат окна в оконной раме.
На фоне гаснущего дня
Казались чёрными герани
И для тебя и для меня.

А ты задумчиво гадала,
На скорбный глядя силуэт.
В какую рань, в какие дали
Несёт она свой пустоцвет.

Картина мыслей в раме тесной,
Воображенья лёгкий плод.
И соловей призывной песни
Нам в утешенье не поёт.

***

Когда душа моя стомила
от тяжести добра и зла,
ко мне сама людская милость
великодушно снизошла.

Когда рассудок был не в силах
случайное предугадать,
меня охранно осенила
родной природы благодать.

Во всём явилось просветленье
и ко всему пришло тепло,
исчезли сумрачные тени
и всё на сердце отлегло.

Душою чист и думой светел,
добром я стал платить за зло.
Никто же, к счастью, не заметил
что на земле произошло.

***

Если выдастся бабье лето,
И печаль твоя будет светла,
Отпусти подобру, не преследуй
Паутинку былого тепла.

Пусть летит она парусом белым
Пока зимники не заросли,
Пока птицы отлёт не допели
На последнем дыханье земли.

И серебряный срок отмечая,
Наступленье стихии иной,
Пусть к печали моей причалит
И предзимней падёт сединой.

СВЕТ ДОБРА

От язычески исповедальных истоков,
От степного дыхания знойного дня
Льётся благом земли неизбывно и стойко
Светоносная сила, питая меня.

От цветенья садов, сини неба бездонной,
От ромашки гадальной в степной стороне —
Свет охранный надёжного отчего дома
Пролегает сквозь дали и время ко мне.

Озарён тепловым излучением нивы,
Я не в силах отвергнуть сомнения тень:
Не ведёт ли к исходу закон перспективы
С убыванием света к иной частоте.

Полыхают тревог обложные зарницы,
Назревает страды золотая пора.
В поклонении Солнцу сердце казнится
Несодеянным светом тепла и добра.

***

Я не пил берёзового сока.
Вешнею живицею берёз
мне неизъяснимой и высокой
жажды утолить не привелось.

В белых рощах собирал росинки,
слушал птиц и набирался сил,
постигая красоту России,
я берёзам ран не наносил.

Но на том не ведаю покоя,
что безгрешен до седых волос.
Я по-человечески людское
сохраняю в чистоте берёз.

И по той же праведной причине,
сил моих предчувствуя исход,
белое сияние Отчизны
тёплым хлебозаром полыхнёт.

Полыхнёт и явит долгожданно
образа родимые черты.
Озаренье, свет мой — мама Анна —
щедрый дар любви и доброты.

Со свиданьем, к вызнанному сроку,
из глубинных медоносных сот
туесок берёзового сока
мне на посошок преподнесёт.

КАРА

Я за то и казнюсь, и караюсь,
ужасаюсь и каюсь во сне,
что, как горе моё и как радость,
пробуждается совесть во мне,
что оставил родную деревню
на покинутой богом земле,
как повешенную на нерве,
в удушающей долгой петле.
Но стираются межи и грани
между городом и селом,
только тешат едино и ранят,
источаясь добром или злом,
и пустеют в безлюдье пейзажи,
и редет большая родня,
позабытая мною заживо,
поминающая меня.

Отзвучала пастушья жалейка...
приутих поминальный плач:
«Ну, Василий, погорьче налей-ка,
пусть поплачет падший Пилат!».

***

Уходят матери-старушки
благословенно, не спеша,
и одинокие избушки
хранит их добрая душа,
хранит затерянный подсолнух,
кувшин надтреснутый хранит,
и всё, что есть под ясным солнцем,
чем день крестьянский именит.

Играет музыка иная,
и старых песен не слышать,
но остаётся именная
тропинка, где ходила мать,
степная, горная, лесная
или ведущая в поля,
откуда есть, пошла родная,
Святая Русская земля.

АКТ

То бешено ржали молнии,
И вздыблено
Мчались пахотой
Гривы гроз,
То солнце пахло лимоном,
И небо
Бездонно распахнуто —
Радугой занялось.

То женщина вышла босая,
Одетая в лён налегке,
И трепетных ласточек стаю
Внесла на простёртой руке.

И там, где земля в нервах трещин,
Где голый песок и камень
Хранили глухое безмолвие,
Узрел, как по следу женщины
Всходили тугими ростками
Павшие в землю молнии...

То детство, как действие со мною,
А значит, забыть — не судьба,
Как мать вослед за войною
Хлеба засекала, хлеба.

КАЗНЬ

Сознаюсь. И видит Бог,
по какой причине
сгину я среди хлебов,
совестью нечистой.

Упаду распятым ниц
на пределе счастья,
будет радугой с ресниц
Солнце излучаться.

И карающим серпом
в выначенном сроке
обезглавит росчерком
месяц среброокий.

Терпеливая в зерне
нива заморозит,
будут причитать по мне
звонко жаворонки.

Отошедшего уже
громы не разбудят.
Утешения душе
только вот не будет.

Знать, зарницами добра
память бьет тревогу —
сыну блудному пора
к отчему порогу.

За околицей села
к жатве пали росы
— Встань, сынок, земля сыра, —
тихо мать попросит.

***

Зачем земля приемлет эту боль?
Ей разве было мало этой боли,
Когда сходились рати в чистом поле
На не последний, а на смертный бой.

Она брала безумный грех времён,
Скорила непомеркшие тревоги,
Былое образовывала в тлен,
И покрывала всё быльём — травую.

Всемерно возрождала благодать
И принимала Солнце в чисто поле,
И наводила лад во всём, как мать,
Была на то её святая воля.

Зачем же сердце эту боль берёт,
Ужель ему не доставало боли?
В краю чужом берёзок хоровод.
Напомнит о России поневоле.

Не от того ли сердце защежит,
Испытывая одухотворенье,
Что безраздельно болью единит
Времён и судеб мира повторенье?

Пред этой безысходностью стою
Степной былинкой, алым цветом мака,
В каком ещё мне выстоять бою,
В какую предстоит идти атаку?

За лоскуток берёзовой земли,
За то, что плачет иволга извечно,
За тою чтобы от Родины вдали
Сыны её не шли в бесчеловечность.

В том эхо памяти мне силы придаёт
И держит твердь земли меня, доколе,
У холмика берёзок хоровод
Пылает белым пламенем покоя.

***

Волнение вечерних облаков,
песчаных дюн пустынное волнение,
в текстуре дерева немое повторенье
остывших лет и стихнувших веков.
И я не строну родовых оков,
не преступлю запретности природы —
тревожится во мне стихия рода,
далёких предков вековечный зов,
вот так же, как волнение облаков,
песчаных дюн и добрых мужиков.

КОНТАКТ

На селе и неба больше,
На селе и фальши меньше.
По росе прохладней — босо,
По земле приятней — пеши,
Без асфальта, без перчаток,
Без искусных изоляций
В степь стернистую умчаться,
И зарницей озаряться,
И на острой, жгучей ниве
На призывы куропаток
Пасть к земле, под звёздный ливень
Обнажено и распято.

ОБЛАВА

Он был один. И он был стар,
матёрый, осуждённый на убой,
а нас со сворой около полста —
ловцов, вооруженных до зубов.
Одни заулюлюкали в загоне,
А снайперы на — «товсь!» — на номерах...
Легавые запричитали в гоне,
на всё живое нагоняя страх.

Он вышел на меня и стал, как вкопан.
Он — сер, я — сед, но зверю не чета.
Узрел меня, учуял смерти коготь
и сущность человека прочитал.
В мгновенье ока зоркого, навылет,
как бьёт дуплетом сдвоенный заряд,
так, будто время приостановил он,
вперив в меня прицельный встречный взгляд.

Натянутые нервы — не резина,
из двух стволов вот-вот сорвётся залп.
Но словно — оборотнем — я тут отразился
в его увеличительных глазах:
— Стреляй, не трусь! Чего же дрогнул?
Осечки может и не быть.
или не той, друг мой, заряжен дробью?
Или не тем, враг мой, пыжом забит
твой смертонос, твоя расправа?
Или рука твоя слаба?
Стреляй! Стреляй! Но целясь ниже лба
и будешь прав. Твоё здесь право...

Ты — бог. А если без ружья,
то этим богом был бы я,
а ты молил бы. Что подеешь,
ты подчинён людской идее
убить меня ради тщеславья.
Но ты учти — не так-то слаб я,
чтоб не пойти на красный цвет,
когда пути другого нет.

Не всё то страшно, что пугает,
свобода-воля, но у нас — другая,
и в том с людьми вражды моей секрет...
И волк умолк. Он был недвижим.
Но взгляд нацелен на меня в упор,
и я на мушке смерти вижу
его нечеловеческий укор.

Предав людей, я опустил двустволку
и дал широкую дорогу волку.
Пусть скажут мне на это фаталисты
премудро: «От добра не жди добра».
Ко времени затёрта эта истина,
воистину, как мир она стара,
с тех пор... С каких же это пор
мы так сентиментальны стали к зверю?
С тех самых пор, как потеряли веру
в добро. И зло схватились за топор.

АИСТЫ

За селом, где хатёнки вдовьи
Стародавним ликом неказисты,
Возвращаются весной в свои гнездовья
Большекрылые птицы аисты.
Будто в лад угасшему преданью,
Сердцем, чуя материнский зов,
К матерям летят исповедално
Сыновья — похожи на отцов.

И о чём-то им напоминает
Верность та, с которою, презрев
Роскошь леса, вьёт гнездовье аист
В кроне усыхающих дерев.
Тронет мать слабеющей рукою
Давних фотографий общий вид,
Родословных, праведностью коих,
Сына в добрый путь благословит.

И под той счастливою звездою,
Что хранит и путеводно светит,
В путь обратный отлетают вдовьи
Большекрылые родные птицы — дети.
И стоят в седой тоске полыни
Изваянием окаменевших баб
Матери, вовеки и поныне
С горечью на сомкнутых губах.

***

Посолю горбушку хлеба круто,
Принимая отчее тепло,
 Попрошу, чтоб этой вот минутой
Время никуда не истекло.
И пока отец в обличье старца
Состоит при высшей мере сил,
Надо мне возле него остаться,
Коль отцовских хлеб так сердцу мил.
Что искать и от чего скитаться,
Если в доме место есть и мне?
Заблужденье с каждым может стать,
Потому и истина в вине.
Искупить её даются сроки,
В продолженье жизни коротки,
Не года, а родники, истоки
Времени мелеющей реки.
Нет возврата к прошлому? Не верю!
Пусть уже на сжатой полосе
Припаду, покаюсь, заговею
На слове, на крохе, на росе.
Мой отец натруженную, в венах
Руку мне положит на плечо.
Пусть минутой той благословенной
Время никуда не истечёт.

***

Ах, ты травка-материнка,
Перелесков пряный дух,
На какой ещё тропинке
В жизни я тебя найду?
Помню сладкие свиданья,
Ласки милой до утра...
Только травы увяданья
Собирать пришла пора.
Знаю, травка есть, красавка,
Да не ведаю в ней толк.
Мне бы зелья того самого,
Приворотного, глоток.
Одари пьянящим цветом,
Награди хмельным листом.
Не исполнишь просьбу эту,
Так спасибо и на том,
Что на этом белом свете
Ты в названии таком.
Материнка... материнка...
Перелесков пряный дух,
На какой тропе тернистой
Я теперь тебя найду?

***

Природа сотворит в минуты вдохновенья
волненье трав, дыханье ветерка,
грозу июля, жаворонка пенье,
рождение младенца и цветка,
улыбку женщины и тихий плач коня,
и взрыв зерна, и робость полутени,
и наших рук горячее сплетенье,
любви твоей вхождение в меня.
И в том она, не много и не мало,
наделит счастьем, болью не минует
и всем, что в ней до нас существовало,
что мы привычно жизнью именуем.
Таков удел — есть мера и предел,
Добро и Зло, как ночь и день, как свет и тень.
Но всё ж её творенья не двумерны,
они неизмеримые, как нервы,
соединяющие сущих в мире нас.
Чтоб Человек был Человеком зачат,
употребив всех сил своих запас,
Природа сотворит и людям предназначит,
а это что-то всё-таки да значит,
и я молю, чтоб не в последний раз.

ПЕЙЗАЖ

Очаг заката, пыл тепла,
брожение вина,
собрав, природа облекла
в горячие тона.

Но где-то голубой мерцал
холодный огонёк
и краски зноя отрицал,
упрям и одинок.

Он дрожью страха проникал,
он буйствовал и рос,
как электрический накал,
стихии грозных гроз.

Росилось. Звонком хрусталя
мерещилась река.
И показалось, что Земля
надтреснута слегка,

и в соловьиной тишине,
превозмогая боль,
слезинкой билась на струне
Вселенной голубой.

***

В центробежной и тяжкой натуге
перед тем, что не мило душе,
изменяется зрения угол
на всё то, что свершилось уже.

Сознаёшь, что движение ложно,
но вращаешься, чувствуя ось,
по орбите своей непреложной,
будто в замкнутом круге живёшь.

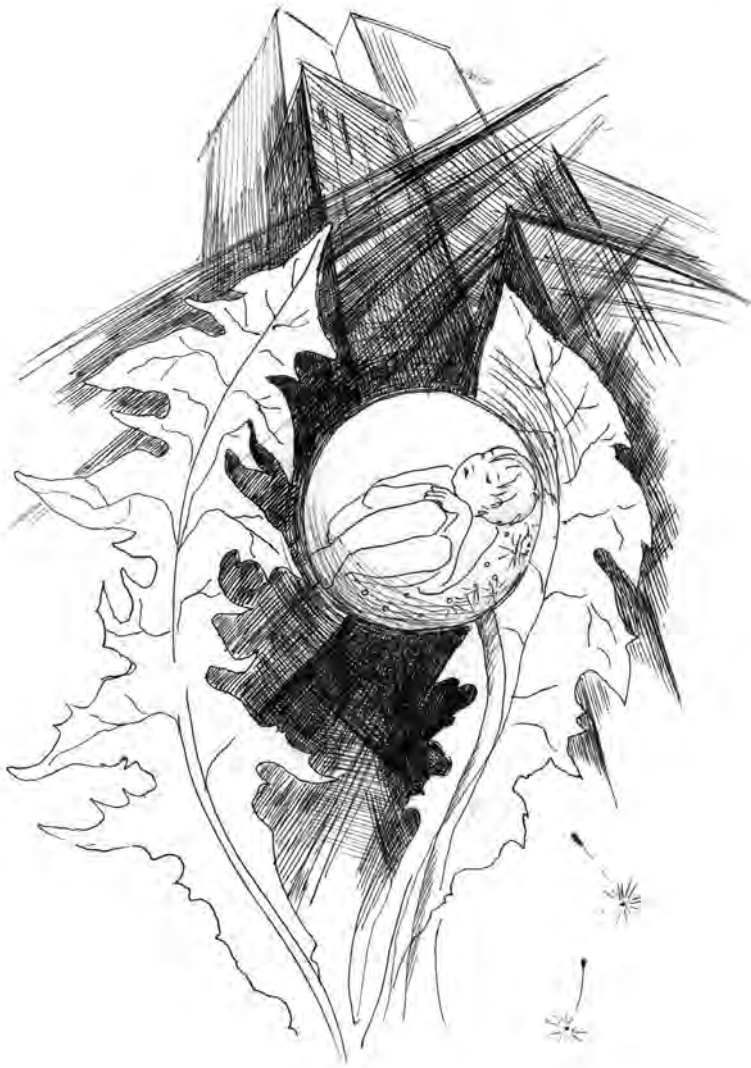

КУПАЮТСЯ ДЕТИ В ПШЕНИЦЕ

Я вижу иль мне только снится
вернувшейся памяти птах? —
Купаются дети в пшенице,
в бескрайних, как море хлебах.
В коленцах ещё не окрепли
несущие колос ростки.
Межу преступая, запретно
купаются озорники.
Ещё не остыли воронки,
где был огневой редут.
Над нивой отцов жаворонки
мелодию жатвы прядут.
И чем-то таким небывалым
почудится запах земли,
что исподволь в нас созревало,
когда мы с хлебами росли.
И солнце искрится в ресницах,
росится перга на губах —
купаются дети в пшенице,
в бескрайних как море, хлебах.

***

Дерев дыхания тихи
над неуверенностью цвета.
Упруго полились стихи
сердцебиением поэта.
Младенец всхлипывал во сне,
обижен тем, что одуванчик
был обездушен, точно снег, —
скоропостижен и обманчив.
Мне быть пришлось не в стороне
от правомерности природы.
Сошлись изломами во мне
её крутые повороты:
и новорожденного плач,
и раннее дерев цветенье...
Но я воспринимал как врач
земли моей сердцебиенье.
В век скоростей и век страстей
росинкой маковой планета,
казалось, билась в миге цвета,
как детская душа поэта
в незащищённости своей.

***

Пропел петух финал грозы,
Отворковали в даях громы,
Застыла радуга в изломе —
Природы точные весы.
Упала капля в чашу зла
И обратилась в каплю блага —
Растеньям в высшей мере влага
Неравнозначною была,
Одним — мала, другим — чрезмерна.
Но безвозвратно отыграл,
Отпыхал системой нервной
Молниеносный интеграл.
Решилась важная задача
Расположением светил:
Селянам выпала удача,
А город дождик намочил.
И город горд после аврала,
Но до большого торжества
Чего-то в нём не доставало,
Какой-то капли естества.
И, дополняя равновесье,
Акт обновления верша,
Отозвалась воскресшей песней
Земли пропащая душа.

***

В предчувствии утра
Ещё живёт Луна.
Осенний сон утрат —
Земля обнажена.

Клубится над рекой
Седой, как я, туман
И в сущности такой
Надёжный, как обман.

К заре своей пройду,
Невидимый, ничей,
И с росами паду
На лезвия лучей.

***

Пока исток не на исходе,
я руки протяну Природе.
В пригоршне чистая вода
и чище быть уже не может.
Успокоение встревожит
слезою павшая звезда.

Её лучи, не преломляясь,
Достигнут высшей глубины.
И я в предчувствии вины
перед потомками покаюсь,
что не смогу им донести
хотя бы в маленькой горсти
мир, истекающий по капле.

***

Болезненным воспоминаньем вальса
С иных миров, откуда-то извне
Опять во мне душа затосковала
В немой немилосердной тишине.
Дежурная сестра шепнула: «Спите.
Вам станет легче. Жизнь идёт к весне».
Забылась и забилась в пляске Витта
Поверженная плоть моя во сне...

А к пробуждению вестница-синица
Затрепетала трепетно в окне.
Чего тебе, душа моя, не спится?
Поверь сестре, воздай хвалу весне!
И вот сознание угасает робко.
Печальная молитва — белый свет...
Уходит боль манящей белой тропкой,
Как девочка, которой уже нет.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Мне показалось, что Луна
зарю прощания вешает
и тень моя на крике чаек
в простор небес вознесена.
И там, за стаей облаков,
где холод мироздания вечен,
путь лебединый был очерчен
свечением земных оков.
За перелётными ночами
я познавал иной приют
и возвращенья Млечный путь
был холоден и нескончаем.
Благословляю лебедей
и отмечаю час прощанья —
уже к зимовью кличут чайки,
к последней пристани моей.

***

Мерцает поздняя звезда,
Зарю вещает кочет.
Кому-то долгие года
Кукушкин сын пророчит.

Но я вопрос не задаю,
Храня поверье это,
Мне на него в чужом краю
Никто не даст ответа.

И сколько зим и сколько лет
Кукух ни накукует,
Никто уже по мне чуть свет
Навзрыд не затоскует.

Играет иволга в садах,
Хлеба к покосу зреют.
Моих раздумий вольный птах
Над отчим краем реет.

Не слышен отдалённый крик
Лишенной стаи птицы,
И как бы ни был мир велик —
Ей негде приземлиться.

И отлученье от гнезда
Кукушкин сын пророчит,
И одинокая звезда
Закатом кровоточит.

МОИ СТИХИ

Стихи мои тихи,
Слова мои негромки,
Похоже, от сохи
Струятся зяби строки.
А строки коротки,
А горизонты близки.
Лета моей тоски —
Цветы тысячелистки.

Что в жизни суждено,
Судьба не упредила.
В чужой земле зерно
Подолгу не всходило.
И только в том краю,
Единственном и милом,
Я пахоту свою
Зачну неутомимо.

Тропа через хлеба,
Зерну желанно лоно.
И к Родине мольба
Коленопреклонённа.
И сердце за грехи
Зальётся жаворонком.
Слова его тихи,
Мелодии негромки.

***

В письме прислала мама чабреца
и написала почерком неровным:
«Пусть он тебе напомнит про отца,
про мать и обо всём, о кровном.
Целебный принимай его настой,
Когда порой бывает сердцу больно...».
Обычный слог любви её простой,
а всё-таки такой предельно полный.
Она ходила снова за село
меня встречать, а может попрощаться,
где детство моё в степи увело
её былое, маленькое счастье.
Она взяла щепотку тех стеблей,
исполненных младенческого зова —
чабречный поклик Родины моей —
и окропила горькою слезою.
Её письмо несло бесценный дар
и городам степной дарило запах,
земли моей живительный нектар,
а горечь принесло по адресату.
Благодарю, родная, за тревогу,
за благодатный запах чабреца,
Я не хвораю, мама, слава Богу,
мне надо быть здоровым до конца.
Несу нелёгкий груз моей планеты,
моей звезды, как совесть мне велит.
И пью чабрец-траву тепла и света.
А сердце моё всё-таки болит.

ЧИСТОТА

Много было ромашек,
Васильков лазоревы озёра,
Красных маков заливы,
А над степью пьянящий, медовый,
Цветочек — Лиловый Сон, Сон-трава.
Много на стебельке
Колокольчиков-однодневок было.
И остался один, последний,
Нераскрытый солнцем,
Колокольчик-сон — таинственный звон.
Выходил мальчуган голым-голенько
И купался в росе, в аромате цветенья,
В белой пене ромашек,
В васильковых озёрах,
В мираже постигал чистоту.
При земле стелилась
Голубая травка-материнка,
Мать брала-собирала
И сына купала
В той красивой траве,
Чтоб девчата любили.
И ушёл мальчуган Человеком
В мир громадных потрясений,
И унёс с собой
Медовый аромат цветенья.
Унёс в себе, нераскрытый Солнцем,
Непостижимый Сон-таинственный
Звон степи,
Сон детства. Чистоту.
Эй, мальчик! Вернись!

***

Ниточка льна,
Украина моя!..
Мне надежда нужна
В то, что землю счастливую,
Эту боль свою,
Может быть, выплачу ивоюю,
Жаворонком спою,
Или, просто не высказав
Эту песню без слов,
Непокаянно, искоса,
Под хихиканье сов
Побреду, где грачиная пахота
Упаду к ней ничком,
И отверженный ветер
Разнесёт семена..
.....
Эта участь на свете
Мне как раз и нужна.

***

Движи́мы участью единой,
Невыразимы, как тоска,
Плывут прощаньем лебединым
Над белым светом облака.

Быть может, таинства историй
Несут в неведомые дали,
Как женщины, сердца которых
При жизни мы не разгадали.

Напоминанием о людях,
Которых в памяти храним,
Которых и поныне любим,
Но в этом не признались им.

Плывут и днями, и веками,
Полётом дум, теченьем лет,
Как будто время истекает
Всему, что было на земле.

Уходят в небыль облака,
Движенью вечному подвластны.
И тем душа моя легка
И в чём-то с миром несогласна.

Лебединая песня

ПОРА ЛУНЫ

Сквозь временность и быстротечность лет
Ко мне струится этот дальний свет,
С небес взирает лунное чело,
И на душе становится светло...

...Но что-то в мире не проистекло,
Не совершилось, не произошло,
И есть надежды трепетная малость —
Всё состоится, что не состоялось.

Но что? Среди упавших теней
Не отличить желаний от видений,
Ни свя́тый лик, ни образ незабвенный.
Всё медленнее и всё постепенней...

Пора Луны уходит на ущерб,
Мерцает безысходно светлый серп,
В пустынной роще тихнет соловей,
И тень любви становится длинней.

***

Любовь моя, пока снега не пали
И не угасла нежности свеча,
Ты утоли души моей печали,
Не отвечай печалью на печаль.

Один лишь шаг от радости к печали
И от любви до ненависти шаг.
И что бы там слова не означали,
Любовь к тебе прочтёшь в моих глазах.

Печаль моя, пока любовь земная
Не обрела блаженство и покой,
Надеюсь, верую, люблю и знаю,
Что ты пребудешь в вечности со мной.

И тёплый взгляд твоих очей печальных,
Как лунный свет безвременных ночей,
Предстанет мне любовью изначальной
Божественной, незримой и ничьей.

Печаль моя, пока снега не пали
И не угас огонь твоей любви,
Ты утоли души своей печали
И на любовь меня благослови.

Один лишь шаг от радости к печали
И от любви до ненависти шаг.
И что бы там слова не означали,
Любовь прочтёшь губами на губах.

ЛЕБЕДИНАЯ

Как белый лебедь в небе и на плаву,
Я на едином хлебе переживу:
И радости, и горести, и боль от нелюбви,
Но, милостивый Господи, не всё останови.

Но, милостивый Господи, не всё останови.
Дай для души и плоти
Два лёгкие крыла,
Чтобы душа в полёте
Высокою была.
Подай, как исцеление, явление любви.
Прекрасное мгновение, мой Бог, останови.

Дай малость на потребу
Греховности земной.
И на земле, и в небе
Оставь моё со мной,
Как радость изначальную
Лебёдки белой зов,
И самую печальную прощальную любовь.

И самую печальную прощальную любовь.
Как песню лебединую —
Последнюю, единую
И самую печальную
Прощальную любовь.
Как белый лебедь в небе...
Небе... небе...

ЗАМЕРЫ ТЕРПЕНИЯ

И знойное лето, и пылкий июль,
Часы в изголовье, и пенистый тюль —
И всё это женщиной было задумано —
И тихая музыка позднего Шумана,
И в суперобложке державный Пикуль.
Пространство и Время — замеры мгновения
Объединяли два местоимения.
И зрело в загадке бальзаковской женщины
Всё то, что природою было обещано.
Всё сказано этим, и всё в этом скажется:
Увядавшие розы на солнечной скатерти,
В игривом стекле оголённые тернии.
Пространство и Время, мгновенье терпения
Ложились на карту любви соискатели,
И что-то ещё, что ещё не потеряно.

ЭЛЕГИЯ

Звучит элегия Массне —
Любви печальной постоянство,
И невесомый, как во сне,
Лечу сквозь Время и Пространство.

И нет ни масс, ни скоростей —
По нефизичности природы,
А только музыка страстей
Сверхчеловеческого рода.

У притяженья нет цепей,
А есть невиданная сила,
Что пребывает только в Ней,
Лишь той, единственной и милой.

Я к ней, свободный и ничей,
Лечу сквозь Время и Пространство,
Пока звучит Виолончель
Её печали постоянством.

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

Я уничтожу память о тебе,
Сожгу мосты, ведущие обратно,
Перекрещусь в молитве троекратно
И преклонюсь перед тобой в мольбе.
И всё, что мне напомнит о былом,
Я истреблю в костре поминовенья —
Пусть источится светом или тенью
И обратится пеплом и теплом.
И светлый дым немеркнувшей печали
Дыханьем лёгким тронет небеса,
И упадёт холодная роса
Слезой любви, распятой в изначалье.
Не возвращаясь на круги своя,
Не отрекусь, а отрекусь — покаюсь
На образ твой затерянный, покамест
Не преступлю черту небытия.
Храня обет преосвященных таинств,
Уже в пределах неземных высот
Душа моя, терзаясь и скитаясь,
Нечаянную радость обретёт.

НОКТЮРН

Весенняя бабочка листьев
Присела ко мне на плечо
И музыкой солнечно-чистой
Коснулась зеркальным лучом.

В скрипичном ключе и басовом
Берёзовой рощи рояль —
Земной и небесно высокой
Гармонией ей отвечал.

И я в звуковом унисоне
Играл на злачёной трубе
Ноктюрн с отражением солнца,
Как память мою о тебе.

ЗАКЛИНАНИЕ

Нет, не во сне, а только наяву
Как наваждением я тобой живу,

Не скорбью глаз, не единеньем рук,
А близостью холодной как испуг,

Не памятью, не ощущеньем дива,
А ясным отраженьем в негативе

Пылающего пламенем костра,
И на тебе тепло его и прах.

Пусть ты не та, и трижды будь иная,
И всё-таки тебя я заклинаю:

Не приноси в очаг мой больше зла,
Чем ты уже любовью принесла.

Пусть угасает уголь, стынет пепел,
И лик твой уходящий будет светел.

***

Я жду кого-то,
Хоть кого-нибудь,
Кого уже не суждено вернуть
К той музыке, где есть вторая вольты.
И слушаю озвученные ноты
В басовом тембре в тон виолончели,
Повторно образующих капли
Исчезнувшего моря.
И это знак не одного бемоля.
И не рояля сыгранная роль,
На всё есть исполнительская воля,
И волен я, должно, по воле свыше,
Былое в этой музыке услышать.

***

Наивная, невинная
Любовь моя старинная,
Роса зари лучистая,
Святая и пречистая,
Безмолвна и тиха
Свеча поминовения,
Печаль самозабвения,
Не венчана, но вечная
Любовь преосвященная,
Как солнце в небесах,
Как память моя в иное,
Не помнящая имени,
Забытого в стихах.

***

Встревожен ли случайным взглядом,
Задет ли голосом чужим,
Далёкий образ не разгадан,
Миг близости непостижим.
Займутся в памяти и плоти
Волненья зыбкие следы —
Так, точно ласточка в полёте,
Коснулась зеркала воды.

***

Не мечтая,
Уже ни о чём не мечтая,
помолчать об утраченном
предпочитаю.
Зажигаю огарок светильного воска
и бывшего прослушиваю отголоски:
так неслышно с осин
осыпаются листья,
и дыхание женщины спящей
теплится,
эхо капли стихает
в пустынном колодце
и в глубинах небесных
звездой отдаётся,
и плывёт под луной
лебединая стая,
и печали свеча
изначальная тает.

***

И, отошедши в мир иной,
Я искушать любовь не стану,
Моя единственная тайна
Уйдёт, смиренная, со мной.
И будет свет благословен
Смятенным благовестом этим,
И отзовётся соловей,
Как неприкаянное эхо
И вечный зов души моей.

***

Соберусь и уйду туда,
Где тоскует по небу вода,

Где тоскуют по звёздам пески,
Где сгорает душа от тоски,

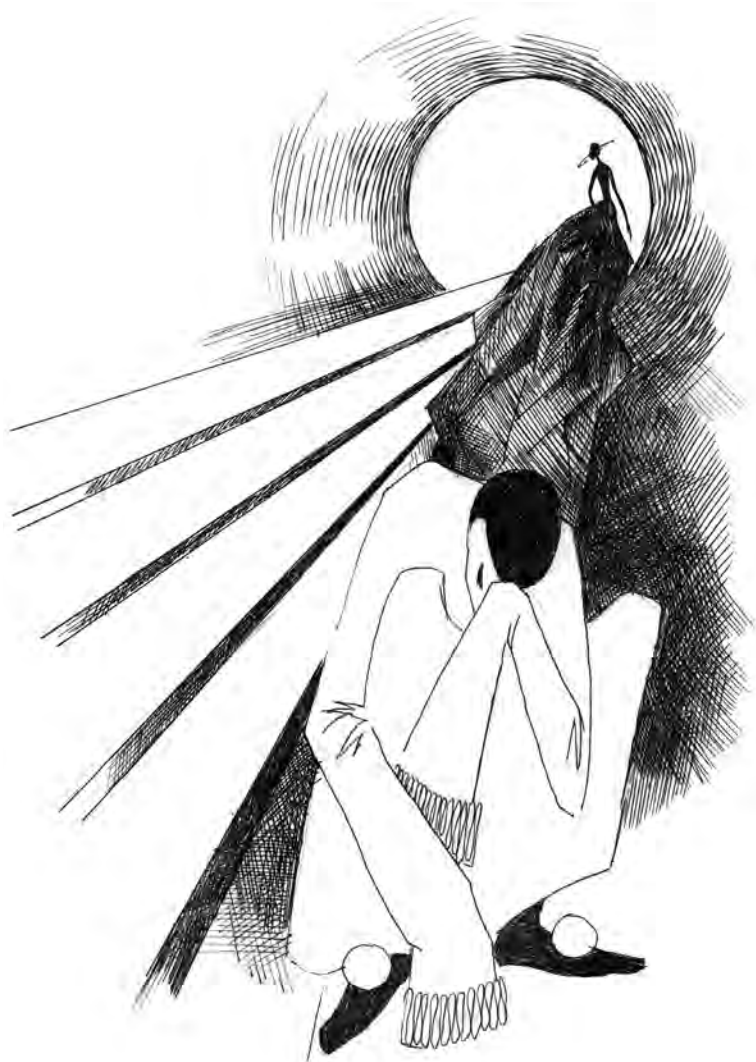
Где меня посетит благодать,
Где рукою до Бога подать,

Где меня не постигнет твоя
Нелюбовь неприкаянная.

ЖЕНЩИНА В АЛОМ

По ступеням беломраморным,
Как по клавишам рояля,
Ты ко мне сбегала пламенно
И как будто нереально.
Длилась музыкой в полёте,
Вся в сиреновом и алом,
Как душа в небесной плоти,
Вознесенно ликовала.
Только на последней ноте
Всей мистерии под занавес
Я очнулся — показалось!
Но зачем Леонковалло
Написал с меня паяца?
...Чтобы плакать и смеяться.

***

Останусь на мгновенье сам собой,
Покажется, что жизнь дала отбой.
От прошлого греховно отрекусь
И в вечное безмолвье погружусь.

Из тех, ещё неведомых глубин
По праву неизбежности расплаты,
Пока в сознание жив хоть малый атом,
Я буду днём отозван голубым.

Услышу утомлённую пчелу,
Волненье трав, потрескиванье стружек.
И глаз моих коснётся солнца лучик,
И крепость отрешённости разрушит

Прощальный твой, последний поцелуй.
Покажется — по мне младенец плачет,
А ты уже тоскуешь не по мне,
И всё случилось по моей вине,

И невозможно всё переиначить,
Что вслед за мной вершится наяву.
А это значит — я ещё живу,
И путь мой к искупленью только начат.

ПРЕЛЮДИЯ

Надёжность крова моего
Влечёт меня в свою обитель
к исходу дня.
Пространствен куб его,
который измеряю
свободой мысли
и простором дум
в трёх степенях свободы,
где взгляд свой,
устремляя в бесконечность
и по-земному этот мир любить...
Вот, обращён росинкой,
лунный луч
прозрачной бабочкой на потолке
незримо замер.
Ещё идут часы на дремлющей руке
в такт пульсу,
время истекает
минувшего прощальными слезами.
Струится кровь
по мышцам равномерно,
вливаются космические токи,
питая обезболиванья точки
атласа тела моего.
Искрится Млечный путь
системы нервной.
Забвенья гул,
как будто в улье дня,
блуждающих мгновений и событий
пчелиный рой.

снует и вяжет кружева
на солнечной основе,
а бабочка — полёт воображенья
в пространстве времени
и времени пространства,
где небо, проявляя глубину,
впадает в состояние покоя,
всеобщего Галактик равновесья.
Но робкое сознание диктует,
что зыбко состояние покоя,
что всё уже не так,
как бы хотелось,
разобщены душа моя и тело,
и вопреки вселенскому порядку
в подлунном мире властвует хаос
и напряженье требует разрядки.
Чудовищного гриба призрак вздут,
и крутится волчок Земли, в пространстве,
и, как струна, напряжена земная ось,
и колокольно слышится
исход минут,
а на душе моей не улеглось
скоропостижное течение бурных лет,
тревогой взбудораженное время —
его не обогнать,
а только бы успеть
остановить тот пляс Святого Витта,
пока природы зов многоголос
в терпенье нарождающихся рос,
где женщина приемлет завязь плода,
пока часы идут
и сердце горячо,

пока мы не подвержены ещё
четвёртой степени свободы,
пока Земля людей
в своей орбите,
и мир на ней хранит свою обитель.
О, люди! Люди! Будьте же добрей!
Любите, пока любится! Любите!

БРАТУ СЕРГЕЮ

Доколь посередине дня
дороге дальней длиться,
он будет провожать меня
глазами ясновидца.

И на распутьях долгих лет,
сопутствуя и грея,
хранит меня лазурный свет
небесных глаз Сергея.

***

Мы одни в грехах своих виновны,
И самим нам искупать грехи.
Разойдёмся всё же полюбовно,
Хороши мы были иль плохи.

Холодность отвергнув в самом малом,
Разведём прощальный наш костёр,
Помолчим и поминально спалим
О любви печальный разговор.

Поглядим, как угасают угли,
И над пеплом руки вознесём
Может, чувства наши не потухли,
А сгорели пламенем-огнём.

И пока падут рдяны́е росы,
Пусть очаг тепло огня хранит.
Искупить вину совсем не просто,
Если наши души единит.

Поровну разделим хлеба корку
И поймём, в чём были неправы:
Мы одни. И наше счастье коротко —
Миг росы на лезвии травы.

УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ (складень)

1.

Свет от свечки излучится,
Догорит и сгаснет свет.
Только всё это случится
Через много тысяч лет.
Ты уйдёшь, наступит темень,
И я вновь зажгу свечу,
Упадут распято тени,
У которых я смятенно,
Покаянно помолчу.

2.

Было слово то в начале
Что тебе я произнёс
Отболели и опали
Лепестки венчальных роз.
Причастились, заговели,
Не жалея, чего не жаль,
Лишь одной любви и веры,
И надежды не лишай.
Поклонимся со свечами
На канун всего пути
И простимся, но вначале
Утоли моя печали
И навеки отпусти.

СТАНЦИЯ ЛЮБВИ

Незабываемый и дальний
Ударит колокол вокзальный,
И встрепенётся марш прощальный
На станции моей любви.

Помилуй и благослови
Под поминальный, колокольный,
Под отклик памяти невольной
С неутраченной болью
Неотречённо позови

И поезд мой останови.
Пусть марш «Прощание славянки»
Той, что меня благословляла,
Звучит на станции любви.

***

Опáли лепестки дарёных роз,
Померк их аромат в холодном чае.
Вопрос был прост, но ты не отвечала,
Исполнена смятенья и печали
О том, что не свершилось, не сбылось.
А, помнишь, эти розы были алы?
Зашторенные окна не светали,
И во всём мире были мы одни...
Но это всё, конечно же, детали.
Не отвечай — себя не обмани.
И всё же эти розы были алы.
Но так случилось, что они опали
И неопознаваемы в тени.

***

То женщина снится, то птица,
То храм с опалённым крестом,
Но лучше бы в том сне забыться,
Где были мы только вдвоём.

***

Гляжу как, осыпаясь в реку,
плывёт осенняя листва
напоминая человеку
о зыблемости существа
о быстротечности событий,
стремительности перемен,
и постоянстве несокрытых
привязанностей и измен.

Да мало ли ещё о чём
На что наш разум обречён.
Гляжу и думаю: за что же
быть изгнанному в никуда
Всему сумяшеся ничтоже.
А жизнь, как чистая вода.
Во глубине её, похоже,
Горит одна любви звезда.

***

Всё это было в июле,
Под васильками во ржи...
Отозвалось и вернулось
Эхо кукушкиной лжи.

Если ты мне предрекала,
Вещая птаха, скажи,
Где эта женщина в алом,
Что утопала во ржи?

Убрано поле ржаное,
Только осталась стерня.
Стала кому-то женою
Та, что ласкала меня.

Всё, что случилось в июле
Под васильками во ржи,
Отозвалось и вернулось
Эхом кукушкиной лжи.

***

Лист багряный на чистой воде —
Парус лета. Сентябрь на исходе.
И гляжу я в холодные воды,
как в текущие медленно годы,
и гадаю я: чья ты и где?

Пусть немало воды утекло,
только всё ещё длится тепло,
и — случится — в осеннем теченье
лист багряный на чистой воде...
...догадаешься, чей я и где.

ВЕСЕННИЙ ЛИВЕНЬ

...И ни о чём не думать, не гадать,
А по стихии праведного случая,
Взойти до состояния созвучия —
Весенний ливень — Божья благодать!

Весенний ливень, Божья благодать
Отобразится в женщине единой.
Любовью вознесусь необратимой,
Чтобы в её стихии состоять.

Весенний ливень — Божья благодать,
Земля и небо радугой повенчаны,
И гром, и молнию — истоки жизни вечные
Единственно предвосхищаю женщине,
Чтобы её стихией обладать...

И ни о чём не думать не гадать.
Весенний ливень — Божья благодать!

***

Воскресный полдень знойного июля
в зените лета буйно дозревал.
Над нами солнце, яро торжествуя,
вершило свой венчальный ритуал.

Феерия таинственного акта
к цветенью тяготение цветка.
И было нам столь горестно и сладко,
Как сладко счастье и любовь горька.

Я был высок, я был тобой возвышен,
но ты возвышенной меня была.
У губ твоих таилась зрелость вишен,
и простирали бабочки крыла.

Не превозмочь мне тот запрет и тайну,
не вызнать силу праведную ту,
где ты, отожествлённая цветами,
собой предвосхищала красоту;

исполнена мелодии заветной,
то милая, то причиняя боль,
пришла неизъяснимой, безответной,
и первая, и поздняя любовь.

В лучах её, как возвращенье в полдень,
падёт к тебе распятием вины
лишь тень моя просить, как дар Господен,
пришествия поры седьмой Луны.

Вели, любовь, в час траурного срока
взойти у изголовья надо мной
венчальной памятью, молчанием высоким —
...июль, воскресный полдень, небо, зной...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я хотел бы без умысла злого
Перед тем, как уйти на покой,
Покаянное высказать слово,
Изъясниться последней строкой

Перед теми, кого я обидел
И кого неизменно любил,
В ком мой злобный и жертвенный идол
Беззаветную веру убил.

...Что-то было, ведь было же что-то,
От чего, уходя на покой,
Я хотел бы, пусть это жестоко,
Откреститься последней строкой.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3.
ОТГОЛОСКИ	5.
Слово	6.
Предчувствие	7.
Окна плакали в ростепель	8.
Поэт	9.
«Я — человек, тяжёлое зерно...»	10.
Восход	11.
«Когда душа уже зашлась...»	12.
Белые стихи	13.
Познать желаю звук резца	14.
Пейзаж	15.
К портрету художника	16.
«Уйти, решительно уйти...»	17.
«Молчанье — золото...»	18.
«Уйти в леса. И существом природы...»	19.
«Встревожен ли случайным взглядом...»	20.
Загадка	21.
Феерия марта	22.
Погода	24.
«Робкая тень на асфальте...»	25.
Бессонная ночь	26.
Лик времени	27.
Святое место на земле...	28.
«По прихоти жизни, по воле судьбы...»	29.
Идея	30.
«Враги мои могли б торжествовать...»	32.
Кабак	33.
Премьера заката	34.
«С какой силою и жадной...»	35.
«Объясниться с тобой мне не просто...»	36.
«В ожидании раннего снега...»	37.
«И наступают холода...»	38.
«Если вспомнить, то будет немало...»	39.
«В минуты неизбежности печали...»	40.
Азовское море	41.
Тёплые листья	43.
Полнолуние	44.

Июнь	45.
«Тихо всхлипнет калитка...»	46.
«С последней вспышки позднечвета...»	47.
Серебристый тополёк	48.
ЗВОНЫ	49.
«Источалась молитва моя...»	50.
Божественный день	52.
«Пока ржаная нива колосится...»	54.
«И гул церковных голубей...»	55.
Полёт	56.
«Нескошенная пажить...»	57.
«Мой день уйдёт, гармонии исполнен...»	58.
Ангел мой	59.
«Блажен, что верую и знаю...»	60.
«Виновных я не осуждаю...»	61.
Пасха	62.
«И вновь душа моя стремится...»	64.
«Прости меня, я очень болен...»	65.
Осенний благовест	67.
«Перекрестимся, поклонимся...»	68.
СВЕТ ДОБРА	69.
Горсть земли	70.
Герань	72.
«Когда душа моя стомилась...»	73.
«Если выдаться бабье лето...»	74.
Свет добра	75.
«Я не пил берёзового сока...»	76.
Кара	78.
«Уходят матери-старушки...»	79.
Акт	81.
Казнь	82.
«Зачем земля приемлет эту боль?..»	84.
«Волнение вечерних облаков...»	86.
Контакт	87.
Облава	88.
Аисты	90.
«Посолю горбушку хлеба круто...»	92.
«Ах, ты травка-материнка...»	93.
«Природа сотворит в минуты вдохновенья...»	94.
Пейзаж	95.
«В центробежной и тяжкой натуре...»	96.
Купаются дети в пшенице	97.
«Дерев дыхания тихи...»	98.
«Пропел петух финал грозы...»	100.
«В предчувствии утра...»	101.
«Пока исток не на исходе...»	102.
«Болезненным воспоминаньем вальса...»	103.
Предчувствие	104.

«Мерцает поздняя звезда...»	105.
Мои стихи	106.
«В письме прислала мама чабреца...»	107.
Чистота	108.
«Ниточка льна...»	109.
«Движимы участью единой...»	110.
ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ	111.
Пора луны	112.
«Любовь моя, пока снега не пали...»	113.
Лебединая	114.
Замеры терпения	116.
Элегия	117.
Нечаянная радость	118.
Ноктюрн	119.
Заклинание	120.
«Я жду кого-то...»	121.
Наивная, невинная...»	122.
«Встревожен ли случайным взглядом...»	123.
«Не мечтая, уже ни о чём не мечтая...»	124.
«И, отошедши в мир иной...»	126.
«Соберусь и уйду туда...»	127.
Женщина в алом	128.
«Останусь на мгновение сам собой...»	130.
Прелюдия	131.
Брату Сергею	134.
«Мы одни в грехах своих виновны...»	135.
Утоли моя печали	136.
Станция любви	137.
«Опали лепестки дарёных роз...»	139.
«То женщина снится, то птица...»	140.
«Гляжу как, осыпаясь в реку...»	141.
«Всё это было в июле...»	142.
«Лист багряный на чистой воде...»	143.
Весенний ливень	144.
«Воскресный полдень знойного июля...»	146.
Послесловие	148.

Василий Васильевич КОМАРОВ
ВРЕМЯ НИКУДА НЕ ИСТЕЧЁТ

Макет, вёрстка: Надежда Стахурская
Редактор: Татьяна Олейникова
Художник: Алла Филимонова
Фото: Сергей Комаров
Корректор: Татьяна Машкара

Сдано в набор 5.11.2016. Подписано к печати 25.01.2017
Формат 60X84 1/16. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Квадрат».
e-mail: kvadrat1998@mail.ru